Невинная соблазнительница

Автор:
Виктория Паркер

Невинная соблазнительница

Виктория Паркер

Любовный роман – Harlequin #491

Случайно застигнутая в двусмысленной ситуации с миллиардером Данте Витале, Ева Сен-Джордж рискует лишиться не только доброго имени, но и успешного бизнеса. В безвыходной ситуации Ева вынуждена согласиться на роль фиктивной невесты циничного бизнесмена…

Виктория Паркер

Невинная соблазнительница

A Reputation to Uphold

© 2013 by Victoria Parker

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Глава 1

Прижав телефон к уху, Ева Сент-Джордж безуспешно пыталась расслышать брата сквозь шум светского раута. Она надеялась, что потрескивание в трубке вызвано помехами на линии, а не завыванием пурги в занесенной снегом Швейцарии.

– Пожалуйста, Финн, только не сегодня. Черт! – Она пробиралась сквозь гудящий рой увешанных драгоценностями женщин и одетых в смокинги мужчин, представлявших деловую и финансовую элиту города. Спеша к выходу, Ева не сводила взгляда с высоких дубовых дверей самого престижного зала приемов Лондона. – Финн, подожди минуту.

Стены и потолок просторного помещения украшали шестиметровые баннеры с гирляндами хрустальных сердец – эмблемами фонда борьбы с раком груди, который поддерживали Ева и Финн. Раз в год брат и сестра в память о матери устраивали благотворительный бал для сбора пожертвований. В нынешнем году обстоятельства впервые разлучили их, и это приводило Еву в отчаяние.

Она толкнула ладонями тяжелые двери и вышла в вестибюль Королевского центра конференций.

– Теперь слушаю. Где ты?

– Прости, сестренка, мне очень жаль. В Швейцарии все аэропорты закрыты. Я обещал заплатить полмиллиона пилоту частного самолета, но ему не дают разрешения на взлет.

Ева закрыла глаза от пронзившей висок боли:

– О господи.

– Ты не растеряешься, я знаю.

Заметив кушетку в маленьком алькове, Ева без сил опустилась на нее:

– Финн, они ждут нас обоих. Я не смогу… – Она осеклась на полуслове и глубоко вздохнула. Конечно, сможет, хотя перспектива выступить с речью перед сотнями людей, втайне надеющихся, что «Дива» опозорится, ей совсем не

нравилась. Оказавшись порознь в этот день, они словно бы предавали память матери. Однако меньше всего ей хотелось огорчить Финна или внушить ему чувство вины. – Ладно, не беспокойся. Я справлюсь.

– Уверен, – сказал он с некоторым сомнением в голосе. – В конце концов, тебе же удалось произвести впечатление на Пруденс Вест, будущую герцогиню Уилтширскую. Поздравляю, кстати.

Ева потерла виски, стараясь унять боль и переключиться на новую тему.

– Спасибо, Финни. Пруденс без ума от моих платьев.

– Неудивительно. Любой, у кого есть хоть капля вкуса, сразу увидит звездный почерк. Свадьба в Вестминстерском аббатстве? – Он сделал паузу и продолжил с восхищением: – Моя маленькая сестричка выходит на королевский уровень. Я горжусь тобой.

Ева улыбнулась и подумала, как соскучилась по нему. Финн был единственным здравомыслящим членом их семьи. Точнее, он мыслил настолько здраво, насколько это доступно профессиональному автогонщику.

Она облокотилась о прохладную стену:

– Спасибо, что веришь в меня. Надеюсь, в аббатстве соберется целая толпа аристократок, чтобы оценить мой дизайн. Потом я с удовольствием сяду придумывать модели, которые удовлетворят и их фантазии. Но когда еще придет это время… Отец тоже здесь – крутится среди стаи бывших жен, готовых убить друг друга. Честно, Финн, он даст сто очков Генриху Восьмому. По-моему, он уже пьян и выглядит полным дураком. Почему отец не может вести себя прилично хотя бы в этот день?

– Выше нос и не обращай внимания.

– Тебе легко говорить, – пожаловалась Ева и вздрогнула от неприятного предчувствия. – Я столько сил положила, чтобы добиться успеха, но, если сегодня что-то пойдет не так, мое лицо украсит страницы желтой прессы по всей стране.

– Послушай… – Финн перевел дыхание, и ее нервы натянулись до предела: дело плохо, если даже невозмутимый брат обеспокоен. – Я действительно переживаю, ведь этот день так много значит для тебя. Я отправил тебе…

Мимо прошла группа гостей, Ева отвернулась к стене. Перед глазами оказалась фреска с сюжетом Благовещения, которую она восприняла как хороший знак. Отправил – что?

– Он не будет навязываться, но поможет, если понадобиться.

«Мне не нужна помощь, за которую потом приходится дорого платить. Нет, спасибо».

Постойте-ка… Он? Сердце больно сжалось в груди.

– Кто он? Тебя не слышно.

– Я… попросил Витале… заменить меня.

Ангел на фреске перед глазами Евы мгновенно превратился в Люцифера с рогами и копытами.

– Данте? Никогда… Отзови его.

– Что значит – отзови? – с мрачным смешком спросил Финн. – Несмотря на скандальную репутацию, он не цепной пес, Ева.

– Как бы не так, – прошептала она, задыхаясь. Гормоны будто взбесились. – Грубый, надменный… зверь.

– Эй, он славный парень и ни разу не подвел меня. Данте не добился бы мирового признания, если бы мурлыкал как кот. Ты совсем не знаешь его.

Ева знала достаточно, но не собиралась делиться с Финном: зачем ей лишние вопросы. Она сделала несколько глубоких вдохов. Грудь вздымалась, рискуя выпасть из глубокого декольте шелкового платья цвета вишни. Ева прижала ладонь к животу, надеясь унять боль, но пальцы дрожали, а желудок крутило,

как барабан стиральной машины на полных оборотах.

– Я думала, он в Сингапуре, обустраивает очередной дорогущий универмаг, как будто не хватает тех, что уже есть. – Брат не подозревал, что Ева пользовалась полученными от него сведениями о Данте Витале, чтобы надежно затаиться, если тот осчастливит Лондон своим визитом.

Невероятно. Сколько ей тогда было лет? Она отогнала непрошенные мысли.

– Он снова собирается… – В трубке затрещало, голос почти пропал. – У меня нет слов…

– Финн! Где ты? Господи, я готова убить тебя. Слышишь? Задушу собственными руками. Никогда не прощу…

Нелепая ложь, потому что Ева была готова простить брату все. А вот найдет ли она в себе силы помириться с Данте?

Связь оборвалась. Сам того не зная, Финн только что подлил масла в огонь. Закрыв глаза, Ева заставила себя дышать. Какой у нее был выбор – выстоять или рухнуть с высоты десятисантиметровых каблуков супермодных туфель, на радость папарацци? Ева еще раз напомнила себе, зачем она здесь. Конечно, она произнесет речь, даже если Финна не будет рядом. Она взрослая женщина, которая без посторонней помощи добилась успеха и только что подписала самый важный контракт в карьере. Ева не позволит ни пьяному отцу, ни его бывшим женам, ни Данте Витале стать свидетелями ее провала.

Ей потребовалось много лет, чтобы вернуться к жизни после трагической смерти матери. К счастью, время стерло следы прошлых ошибок. Больше ей не придется по утрам любоваться скандальными фотографиями на страницах таблоидов. Никогда. Отныне на страницах прессы будут красоваться только ее творения. Ева докажет всем, что представляет интерес не только как дочь знаменитостей – рок-звезды восьмидесятых и модного дизайнера.

Расправив плечи и гордо подняв подбородок, она вернулась в бальный зал, окунувшись в гул великосветских разговоров и атмосферу флирта. Не обращая внимания на призывные жесты отца, Ева направилась прямо к стойке бара и попросила бокал газированной воды. Она почти убедила себя, что справится.

Вдруг Еву словно молнией ударило – теплый мускусный аромат окутал ее словно кашемир. За спиной раздался завораживающий низкий голос с едва заметным итальянским акцентом.

Всплеск адреналина, легкое головокружение.

– Ты сегодня пай-девочка, правда, Ева?

Кожа покрылась мурашками. Ей стоило огромных усилий держаться прямо и вдыхать достаточно кислорода, чтобы не упасть в обморок.

– Событие заслуживает того, Данте, – сказала Ева, гордясь тем, что голос почти не дрогнул. «Отвечать ударом на удар».

С вежливой улыбкой, с трудом отрывая каблуки от пола, она заставила себя повернуться и обомлела. Дыхание сбилось, когда она встретила умный, проницательный взгляд глаз цвета жженого янтаря. Черты лица надменного итальянца отвечали высоким канонам классической мужской красоты, темные густые волосы волной падали на загорелый лоб. Ева нервно теребила ремешок сумки, заставляя себя отвести глаза от цинично изогнутого, чувственного рта. В юности она мечтала узнать вкус его поцелуев!

Красота Данте почти смертельна, думала она, оглядывая атлетическую фигуру, облаченную в безупречный, самый дорогой вечерний костюм. Ева облизнула губы:

– Какой приятный сюрприз.

– Не уверен, – сказал он, внимательно изучая ее лицо.

Ему не откажешь в наблюдательности. Мысль о том, что Данте догадывается о ее смятении, испугала Еву: с ним давно покончено, ее уже не интересует этот человек.

Ради справедливости приходилось признать, что его темный магнетизм действовал безотказно. Она не сомневалась, что каждая женщина в огромном зале с вожделением провожала итальянца глазами. Тем хуже для них. Однако

над ней он больше не властен. Однажды ее невинное юное сердце было растоптано, и с тех пор Ева твердо усвоила разницу между сексуальным влечением и любовью. Ей не нужно ни того, ни другого, будь то Данте или другой мужчина.

Ева сжала в пальцах холодный хрусталь и приподняла бокал, приветствуя кого-то из бывших заказчиков.

– Послушай, не знаю, что Финн наговорил тебе, но я не нуждаюсь в суфлере. Я взрослая девочка. А ты иди-ка домой к очередной любовнице.

Широко известный деловой хваткой, финансовой прозорливостью и неутомимой страстью в постели, Данте был принципиальным любовником на одну ночь. Исключение составляла только его жена Наталия. Если Еве не изменяла память, она продержалась целых две недели – почти столько же, сколько одна из бывших пассий ее отца.

Самое страшное, что Ева когда-то была так безнадежно влюблена в него, что согласилась бы и на одну ночь. Но Данте предпочитал томных кареглазых брюнеток со смуглой кожей. Неудивительно, что он ни разу не взглянул в ее сторону до тех пор, пока она в прямом смысле не встала у него на пути. Но даже тогда…

Ева залилась краской, вспомнив нанесенную ей обиду.

– Извини, но мне надо общаться с гостями. – Она успела сделать два шага на негнущихся ногах, когда сильная рука обхватила ее талию и вернула на прежнее место.

Ева вздрогнула от непрошенного всплеска чувств. Данте тряхнул головой, откинув упавшую на глаза темную прядь. В глазах был приказ остановиться. Он заказал бармену порцию виски, удерживая Еву возле медного поручня в кольце рук. Как только пальцы тронули тонкий шелк платья, жар отхлынул от ее лица куда-то в низ живота.

– Твой наряд не слишком откровенен? Это благотворительный бал, а не ночная тусовка. – Данте залпом осушил рюмку и поставил ее на полированное красное дерево стойки.

– С моим платьем все в порядке. – Она была одета как монахиня по сравнению с тем, что обычно носили его подружки. – Зачем ты пришел, Данте? Добрые намерения Финна мне понятны, он не знал, что было между нами. – Она покачала головой. – Почему ты не отказался, тем более что не можешь вынести меня дольше пяти секунд?

Данте смерил ее долгим равнодушным взглядом, как будто бросил в лицо кубики льда из стакана.

– Я здесь только ради Финна, моего друга. Как ты справедливо заметила, у меня есть более интересные занятия, чем нянчиться с легкомысленной девчонкой. Но ты глубоко ошибаешься, если думаешь, что я нарушу слово.

Ева на мгновение закрыла глаза:

– Люди взрослеют, меняются.

– Нет. – Он придвинулся чуть ближе, смущая Еву. – Особенно если фотографии этих людей способны парализовать город. – Только Данте мог с циничной усмешкой превратить комплимент в оскорбление. Он окинул ее многозначительным взглядом, и Ева прокляла свое согласие позировать для рекламы. – Из-за тебя на Пиккадили-Серкус образовалась дикая пробка. Тебе нравится, когда весь мир глазеет на твое тело?

– Это всего лишь рекламный плакат! – опешила Ева.

Данте только отмахнулся, а Ева вздохнула. Какой смысл спорить с человеком, который видит все в черно-белом цвете? Она промолчала, надеясь, что он отстанет.

– Иди домой, Данте. За мной не нужно присматривать.

– Сомневаюсь, – сказал он, кивая на ее бокал с газированной водой. – Хорошо еще, что не успела надраться.

Ева задохнулась. Неужели она была влюблена в этого человека?

– Ты живешь в прошлом и не знаешь меня.

– Неужели?

Одного слова, произнесенного с убийственной интонацией, достаточно, чтобы она поняла – он не имеет представления, чем она занимается. Последний год Данте провел в Сингапуре, до этого жил в Италии. Конечно, он встречался с Финном, но вряд ли расспрашивал о ней. Впрочем, с нее довольно инсинуаций. Ева уже открыла рот, чтобы рассказать о своем бутике и заказе от будущей герцогини…

Неожиданно Данте фыркнул, как норовистый конь.

– Чем же ты живешь, Ева? – Его глаза хищно блеснули, но голос звучал мягко и нежно. – Обеспечиваешь утренние газеты горячими сплетнями? Теперь, когда я вернулся в Лондон, интересно, чем меня завтра удивят заголовки?

Ева крепче вцепилась в сумочку и гордо подняла подбородок, готовая дать безжалостный отпор.

– Уверен, что Финн просил оказать мне именно такую поддержку? Осыпать оскорблениями, даже не зная, чем я занималась последние годы? Подорвать мою уверенность в себе, прежде чем я выйду к микрофону? Ну и ну! Обязательно расскажу брату, как ты справился с задачей. А теперь убери свои грязные руки и проваливай. Разве не так ты обычно расстаешься с женщинами?

Данте напрягся, чувствуя, как зачастил пульс, однако ему потребовалась всего секунда, чтобы убедить себя – боль в ее глазах ему только почудилась. Он опустил руки. На него повеяло эротичным ароматом духов, когда она повернулась с грацией балерины и двинулась прочь сквозь толпу безвкусно наряженных меценатов – вишневый фейерверк на фоне блеклых туалетов. Вероятно, роль организатора благотворительного вечера заставила Еву выбрать броский наряд. Данте отвел взгляд от сексуального изгиба ее бедер и заказал еще порцию виски. Ему казалось, что атмосфера в зале накалялась, готовая разразиться скандалом.

Черт возьми! Ева права: он не справился с миссией. Он должен был предложить Финну найти другого человека.

Красоту Евы называли безупречной, но он не мог согласиться. В прекрасных зеленых, как нежный мох, глазах под длинными ресницами таился порок. Как он ошибался, считая, что воспоминания больше не тревожат его! Он не забыл нежный вкус кожи с легким оттенком миндаля, наводившим на мысль о девичьей невинности. Но это была всего лишь опасная уловка. Не обманывали только эротичные изгибы ее великолепного тела. Его вдруг захлестнула горячая волна вожделения.

Ева Сент-Джордж. Своевольный ребенок. Несбыточная сексуальная фантазия любого мужчины с горячей кровью.

Он быстро опрокинул вторую порцию виски. Крепкий янтарный напиток обжег горло и обострил не дававшую покоя обиду. Ему не стоило трогать Еву. Данте не прощал женщинам только одного – отказа. Первым уходил он. Правило было нарушено только однажды. Сколько раз он твердил себе, что хотел лишь утешить Еву в ночь смерти ее матери, но рассудок почти изменил ему. Он был близок к тому, чтобы овладеть ею… прямо в беседке у бассейна.

Сегодня она снова испытывала боль. Он читал это в ее глазах. Что ни говори, Ева любила мать, ее горе было неподдельным. Вспомнив о Финне, он снова оглядел многолюдный зал. Надо забыть прошлое, выполнить обещание и уйти. В конце концов, он может вести себя вежливо хотя бы двадцать минут.

Оставив на стойке пятидесятифунтовый банкнот, Данте шагнул в толпу. Он быстро заметил Еву благодаря яркому платью. Ее тонкие пальцы сжимали бокал с шампанским, а просящие поцелуя губы соблазнительно улыбались очередному поклоннику.

«Ты не знаешь меня, – сказала она ему. – Люди меняются». Как бы не так! Пятнадцать лет он напрасно надеялся, умолял, просил Бога, чтобы его столь же своевольная мать образумилась. Поэтому, когда Финн начинал расхваливать любимую сестру, Данте быстро менял тему. Финн не мог быть объективным, а Данте не хотел лишать друга иллюзий.

Он двинулся через зал, рассекая нарядную толпу, минуя официантов в строгой черно-белой униформе, разносящих гостям канапе и напитки. Приглушенные звуки классической музыки немного сняли нервное напряжение. Когда Данте добрался до Евы, она в одиночестве сидела в кресле за большим столом. Он опустился в соседнее кресло, выхватил из ее пальцев бокал с шампанским и поставил на поднос проходящего мимо официанта.

– Это снова я.

Она резко повернула голову, локоны медового цвета рассыпались по обнаженным плечам.

– Ты что, не понимаешь намеков? Я в порядке. Ты… мне… не нужен.

Он лениво откинулся назад:

– Нет.

В ее глазах сверкнула злость, но она сразу взяла себя в руки, не желая устраивать сцену.

– Что ты вообще здесь делаешь? Мне говорили, ты целиком поглощен новым проектом в Сингапуре.

– Ерунда. Ничто не может захватить меня целиком.

Ева облокотилась на спинку кресла, грациозно сложив руки. Ее великолепная грудь приподнялась, давая возможность Данте любоваться нежными полушариями в глубоком вырезе платья. Если она хотела привлечь его внимание, ей это удалось.

– Как я могла забыть? – насмешливо протянула Ева. – Решила, что в бизнесе ты более постоянен.

Данте отвел глаза от ее груди:

– В Сингапуре я добился успеха: два универмага за двенадцать месяцев и роскошная торговая галерея.

– Но ты, похоже, разочарован. Этого мало?

– Мне всегда мало.

Теперь он нацелен на магазин в престижном Найтсбридже, который должен стать бриллиантом в короне торговой империи Витале. Данте мечтал о нем почти десять лет. Оставалось только доказать продавцу, что Данте – самый достойный покупатель. Но Якатани, упрямый японский бизнесмен, желал, чтобы магазин достался семейному человеку, а этот корабль уплыл уже четыре года назад под флагом измены.

В нем закипела прошлая обида, и Данте до боли жал пальцы в кулак. Увидев, что Ева заметила его жест, Данте разжал ладонь.

– Что дальше? Зачем ты вернулся в Лондон? – слегка нахмурила лоб Ева.

– Почему бы нет? – нарочито небрежно пожал плечами Данте.

– Должна быть причина, по лицу вижу.

Данте отвел глаза, уверенный, что Ева оставит тему, если он промолчит. Пауза затянулась. Данте всем существом старался противостоять эротическим вибрациям, исходившим от сидящей рядом женщины. Ему даже нравилось подавлять возбуждение, проверяя свою выдержку. Он принялся разглядывать роскошную вазу в центре стола. Раскрывшиеся бутоны белых роз были обернуты прозрачной фольгой, а стебли оплетены жемчужными нитями. Неожиданно он представил, как окутывает жемчугом обнаженное тело Евы, ее длинные ноги, бедра, горячее и влажное лоно… Никогда с ним такого не случалось. Щеки вспыхнули, ему показалось, что он застонал.

– Данте, ты не болен?

Он помедлил и лениво обернулся:

– Нет.

– Ты не ответил на мой вопрос.

Данте опешил, вспоминая, когда последний раз кто-то посмел требовать от него ответа. Впрочем, от непредсказуемой Евы можно ожидать чего угодно. Он резко одернул манжеты, ярко сверкнули бриллиантовые запонки. Вряд ли Ева помешает его планам. Ее имя мелькало на страницах светских сплетен, а не в колонках деловых новостей, ко торые читали его клиенты. Надо же говорить о чем-то.

– Почему Лондон? – Он сделал эффектную паузу, желая больше заинтриговать, и наконец не без самодовольства произнес заветное слово: – «Хэмптонз».

– Не может быть! – выдохнула Ева.

Данте решил, что она имитирует интерес, как опытная соблазнительница. Тем не менее он гордо улыбнулся. Сделка уже почти состоялась. Скоро он станет владельцем.

– «Хэмптонз» – самая роскошная сеть магазинов, – восхищенно протянула Ева.

Данте не удивился ее реакции. Для женщин вроде Евы магазины подобны райскому саду, а шопинг может вызвать оргазм. Он почти физически ощутил ее обнаженное тело, изгибающееся, как лук, под его ласками, губами…

Громкий женский голос вторгся в сладкие грезы, Данте вздрогнул. Утомительная работа и долгое воздержание дают о себе знать. Ему необходимо срочно заняться сексом, и Ева здесь ни при чем.

– Дамы и господа! Прошу приветствовать соучредительницу нашего фонда – Еву Сент-Джордж.

Послышались аплодисменты. Данте увидел, как кровь отхлынула от щек Евы.

– Ева? Что с тобой? – забеспокоился он.

– Все нормально, – ответила Ева ровным голосом. Она снова, в который раз, ввела его в заблуждение.

– Не сомневаюсь. – Данте глянул на красивую распорядительницу, ожидавшую на подиуме. Если верить записке, которую та сунула ему в руку, сегодня вечером ему предлагается индивидуальное эротическое шоу. – Покажи им, Ева Сент-Джордж, принцесса прессы.

В этот момент она впервые открыто взглянула ему в лицо. В ее глазах сверкала неприязнь. Неужели она еще злится после того, как он просидел с ней рядом целых десять минут? Что ей надо?

Все гости ждали, наблюдая за ними.

– Все будет хорошо, – сказал он, впервые с удивлением заметив ее короткие неухоженные ногти. – Иди.

– Послушай, Данте, если я попрошу об одной-единственной вещи, ты сделаешь?

Он насторожился: женщины и услуги – рискованное сочетание. В жизни надежны только три вещи: собственность, власть, контроль.

– Проси.

– Уходи. Прямо сейчас. Пожалуйста.

* * *

Спускаясь на дрожащих ногах с подиума, Ева с трудом сохраняла видимость спокойствия. Она не представляла раньше, как можно в одно и тоже время плакать и смеяться, но теперь поняла. Все, что требовалось, – это выйти на сцену в полном одиночестве и перед сотнями людей излить душу.

Она справилась!

Слегка оглохшая от грома аплодисментов, она спустилась в зал, на ходу пожимая протянутые руки. Краем глаза увидела, что отец призывно машет ей. У нее возникло искушение подойти, но на нем висела Клэр – жена номер шесть. Ева сделала вид, что не заметила: не хотела, чтобы вздорная женщина испортила приподнятое настроение. Она направилась прямиком к тяжелым парчовым занавесям, скрывающим выход на террасу. Ева предпочла бы горячий душ и восемь часов сна, но о том, чтобы сразу уйти, не могло быть и речи. Придется ограничиться десятиминутной передышкой. Она пробралась сквозь толпу и выскользнула за дверь, плотно прикрыв ее за собой.

Еву окутал терпкий морозный воздух. Напряжение сразу спало. Она с облегчением подумала, что все закончилось, дело сделано. Большое достижение для девочки, которая всегда избегала большого скопления народа. Мама могла бы ею гордиться. Охватив себя руками, чтобы немного согреться, она подняла голову и замерла, любуясь алмазами звезд на темно-синем бархате небосклона. Выбрав самую яркую звезду, она произнесла слова, которые повторяла каждый год в эту ночь: «Мне не хватает тебя, мама. После стольких ошибок я двигаюсь вперед. Чего бы ни стоило, я стану такой, какой ты хотела меня видеть, клянусь».

Закрыв глаза, Ева мысленно вернулась в прошлое, когда мать учила ее аккуратными стежками пришивать жемчужины к плотному шелку, чтобы создать платье чьей-то мечты, наполнив его романтикой, красотой, любовью. Пускай ей самой суждено остаться сторонней наблюдательницей чужого счастья, но, по крайней мере, она унаследовала от матери талант и призвание.

Данте. Какое счастье, что он ушел. Она задрожала, вспоминая его взгляд, острый как нож…

– Ева.

Она стремительно повернулась, вскинув руки к груди, чтобы не выскочило сердце:

– Данте, почему ты здесь? Я же просила…

Он стоял в глубокой тени – напряженный, с мрачным лицом, сунув руки в карманы брюк.

– Назовем это компромиссом, ведь я дал слово Финну, что буду рядом, если понадоблюсь.

«Ты был нужен однажды, но предпочел уйти». С тех пор прошло пять лет, но в ее голове крутились все те же мысли: «Обними меня, ласкай, люби…»

– Мне никто не нужен. – Она не узнала свой голос, звучавший холодно и отчужденно.

Ни слова в ответ. Данте молча смотрел в сад, окутанный туманной дымкой, но окружавшая его аура опасности интриговала и возбуждала ее все сильнее. Наконец он повернулся, сделал шаг и приблизился почти вплотную. В темноте Ева не видела выражения лица, но жар его тела привел ее в смятение.

– Ты сказала хорошую речь, Ева, – произнес он с теплой искренностью в голосе, напомнив Еве человека, которого она знала когда-то. И которого больше не существовало. – Мама могла бы тобой гордиться.

«О господи! Главное – не расплакаться».

– Спасибо. – Голос сорвался против ее воли. Если он не уйдет сию же минуту, она за себя не ручается…

С тяжелым, долгим вздохом, как будто он все понимал, Данте обнял ее. Прошлое оттеснило настоящее. Без колебаний и сожалений Ева уткнулась лицом в его шею, вдыхая терпкий запах одеколона и наслаждаясь чувством защищенности в объятиях сильных рук. Его пальцы поглаживали обнаженную спину. Он молчал, но был рядом, когда она нуждалась в нем.

Нет – нет. Зачем он ей? Она обойдется без мужчин. Так было до сих пор и будет впредь. Они предают и уходят, доставляя только страдания и боль.

«Надо сейчас же вырваться», – приказала себе Ева, но там, где был леденящий холод, теперь щекотало ухо горячее дыхание Данте. Ее охватила дрожь. Игнорируя голос рассудка, Ева запустила пальцы в его густые волосы и прижалась теснее. Данте издал низкий стон, когда ее грудь уперлась в твердые мышцы, а сердце бешено стучало прямо в ребра. «Это неправильно, – думала

Ева. – Я не нужна ему. Разве однажды он не проучил меня?»

Она слегка отстранилась. Ладони скользнули вниз вдоль атлетических плеч. Но, ощутив под пальцами рельефную мускулатуру великолепного тела, Ева уже не могла побороть вожделение. Она горела, словно в огне, желая продолжения…

Его губы совсем рядом – непреодолимое искушение дотронуться, почувствовать вкус. Возможно ли, что его поцелуй так же сладок, как когда-то? Ева коснулась уголка чувственного рта. Тело Данте напряглось, будто превратилось в сталь. В воздухе явственно слышался треск электрических разрядов. Тогда Ева поняла свою ошибку: его сексуальное притяжение за прошедшие годы выросло в сто раз, сделав Данте еще опаснее, чем она предполагала.

Словно прочитав мысли, Данте охватил руками ее талию так, что она едва не задохнулась, без усилий поднял над полом и прижал к себе. Она едва расслышала слова, которые он бормотал ей в ухо:

– Не можешь справиться с собой, Ева? Чего ты хочешь на этот раз? Одну ночь со мной? Или взять тебя прямо здесь?

Она решила, что ослышалась. Не может быть! Стыд и обида сдавили горло, но она произнесла с отчетливым презрением:

– Даже не мечтай, Данте.

Громкое покашливание за спиной подействовало как звон разбитого стекла. Данте разжал руки, Еву отбросило назад. Каменная кладка стены оцарапала спину.

Ее отец и Клэр стояли на ступенях и с садистским наслаждением наблюдали за ними.

– Что же здесь происходит? – промурлыкала Клэр.

Ева до боли сцепила пальцы. Что сказать? Данте стоял с каменным лицом. Он был в бешенстве.

– Я как раз спрашивала Ника, – с невинным выражением продолжала Клэр, глядя прямо на Еву – куда делся красавец мужчина? Хотела первой поздравить его.

Ева почувствовала, как Данте замер. Происходило что-то страшное и непонятное. Инстинкт подсказывал, что она попала в ловушку, которая вот-вот захлопнется.

– Поздравить? – переспросила она.

Холодные голубые глаза Клэр источали яд.

– Разве ты не знаешь? Данте помолвлен с моей школьной подругой Ребеккой Стэнфорд.

Ева заморгала. Данте снова собирается жениться? Невероятно!

– Что?

– Представь, вчера она навестила меня после возвращения из Сингапура.

Задохнувшись, Ева едва устояла на ногах, но Клэр продолжала вбивать гвозди в ее гроб:

– Мы мило пообедали с Пруденс Вест. Слышала, она заказала тебе платье… Поздравляю.

Взгляд Данте жег Еве затылок. В эту минуту она ненавидела его. Годы упорного труда, в течение которых она работала по восемнадцать часов в день, чтобы создать бренд Евы Сент-Джордж, – все насмарку из-за одного взгляда на этого дьявола во плоти!

– Надеюсь, она простит тебя, Ева. Нехорошо соблазнять чужого жениха.

Ева сжала руку Клэр, понимая, что дрожью выдала волнение.

– Послушай, ты неправильно поняла. Данте всего лишь… – Она замолчала. Кто? Друг? Клэр не поверит. Надо вспомнить последние слова – что она могла услышать? О господи! Данте грозил взять ее прямо здесь… – Ничего особенного не случилось.

– Мне так не кажется. Не волнуйся – рот на замке. Но мой долг предупредить тебя.

Краем глаза она заметила, что Данте опустил глаза на ее грудь и скрипнул зубами. Прежде чем она проследила за его взглядом, Клэр добавила:

– Ты не сняла микрофон.

Глава 2

Стремительным движением Данте сорвал спрятанный в кружевном вырезе платья пластмассовый шарик микрофона, бросил на каменные ступени и со злостью раздавил каблуком.

– Пожалуйста, скажи, что мне снится кошмарный сон, – прошептала Ева, выпрямляясь и упрямо поднимая голову навстречу надвигающейся катастрофе.

Данте остановил ее движением руки, дожидаясь, пока схлынет ярость и он сможет трезво оценить ситуацию.

Ник Сент-Джордж покорно последовал обратно в зал за торжествующей женой. Данте проводил удалявшуюся пару презрительным взглядом. Как этот бесхребетный ловелас мог позволить злобной стерве унизить дочь? Ему еще предстояло выяснить, чем грозит Еве громкий скандал. Что же касается его самого, то он готов поспорить на свой «ламборгини», что в течение пяти минут Ребекке сообщат об «измене». Легкое беспокойство тут же улетучилось: в очередной раз ему предстоит утешить женщину старым испытанным способом.

Ева расправила на бедрах узкое платье:

– Я ухожу. Мне надо подумать. Не имеет смысла возвращаться к гостям. За это время Клэр уже успела распять, четвертовать и повесить меня. – Она наклонилась, чтобы поднять брошенную у стены сумочку.

Пульс Данте участился до тысячи ударов в минуту, когда его глазам предстала роскошная грудь в глубоком вырезе платья. «Господи, она смертельно опасна».

Он отвел взгляд, только когда Ева выпрямилась и, прошелестев шелком платья, прошла мимо него к ступеням.

– Отлично сработано, Данте, вероятно, ты уничтожил меня. На балу в честь моей матери!

Данте заморгал:

– Я уничтожил тебя? Не прошло и сорока минут, как мы встретились, а ты успела повергнуть мою жизнь в хаос. – «Уже не впервые. Ты бьешь без промаха».

Остановившись на верхней ступеньке, Ева возмущенно воскликнула:

– Что я тебе сделала? Скажи Ребекке правду. Я… была расстроена. Ради Финна ты пытался утешить и… обнял… по-братски.

По-братски? Эрекция до сих пор давала о себе знать.

– Братья не целуются с сестрами, – резко заметил он.

В тусклом освещении ему, вероятно, показалось, что Ева покраснела. У Данте почти не оставалось сомнений, что она нарочно соблазняла его. Как прежде. Она достаточно искушена, чтобы знать, к чему ведут поцелуи. Еще бы минуты три, и он взял бы ее прямо у чертовой стены. Прекрасное экзотическое растение: нежный, завлекающий, трепетный афродизиак. Ева умела завести его. Коварная сирена действовала безошибочно.

– Не знаю, что на меня нашло. Ты мне неинтересен и будь уверен: скорее ад замерзнет, чем я снова дотронусь до тебя.

От этих слов в душе у Данте вдруг шевельнулась глупая обида.

– Скажи Ребекке, что ненавидишь меня, – продолжала Ева. – Ведь это чистая правда. Обещаю, очаровательная невеста с восторгом бросится обратно в твою нагретую постель!

Данте чуть не рассмеялся:

– Похоже, мысли о моей постели не покидают тебя, Ева.

Она вскинула голову:

– Ошибаешься, но, по крайней мере, ты мог бы сообщить о предстоящей женитьбе. – Ее резкие слова странным образом противоречили тону, в котором слышались боль и отчаяние. – Я была застигнута врасплох и, как глупая рыба, только разевала рот, когда услышала новость от Клэр.

– Внешние приличия важнее всего, не так ли? – заметил Данте с сарказмом.

Они оба знали, что это правда. Неблагоприятная пресса – угроза для сделки, открывавшей ему путь к вершине, если Данте не найдет выход. А что до Евы…

Стуча по каменным ступеням высоченными каблуками суперсексуальных босоножек, Ева спускалась к нему, захлебываясь нервной скороговоркой:

– Будь уверен, они подумают самое худшее. Решат, что ты и я… Представят меня как охотницу за чужими женихами, разрушительницу брачных союзов! Не самая лучшая реклама для моего бизнеса, не правда ли, Данте?

– Поэтому нам надо поговорить, – решительно заявил он. Как можно принимать решения, если он не знает, что поставлено на карту? Его мозг все еще не мог переварить то, что он недавно услышал.

– Значит, Клэр сказала правду? Ты шьешь свадебные платья и получила заказ от будущей герцогини?

Ева резко остановилась, вскинув руки:

– Почему это тебя так удивляет?

Действительно, почему?

– Может быть, потому, что я представлял, как ты напиваешься на вечеринках до потери памяти, а потом спишь до полудня? Что твое имя по-прежнему наводняет желтую прессу? Говорят, это отнимает много сил. – Данте равнодушно пожал плечами. Вспоминая скандальные фотографии Евы, он вдруг подумал о матери: она возникла перед его глазами – полуобнаженная, волосы растрепаны. Она что-то говорит ему заплетающимся языком, дыша в лицо перегаром. За ее спиной каждый раз новый мужчина. – Честно признаюсь, – продолжал он с горечью, чувствуя, как от подступающей тошноты сжимается желудок, – не думал, что ты способна поработать хотя бы один день. Я удивлен. Вот и все.

Ева полоснула его взглядом, как лазером, разнеся в клочья привычную самоуверенность. Данте опешил, услышав, как она четко выговорила:

– Убирайся, Данте. Оставь меня в покое. Иди соблазняй свою невесту. Надеюсь, вы оба будете счастливы… в аду.

Ева прошагала мимо него и ступила на выложенную булыжником дорожку, ведущую через сад. Данте повернулся на каблуках, глядя ей вслед. Чем больше времени он проводил с ней, тем сильнее его терзало беспокойство. Она была самой дерзкой, непокорной, возбуждающей женщиной, какую ему доводилось встречать. Так что же он замер в нерешительности?

– Чертова баба, – проворчал он, бросаясь вдогонку. Мягкий свет фонарей окутывал ее удалявшийся силуэт туманной дымкой. Мысли исчезли, но вожделение только усилилось. – Постой!

Его окрик заставил ее замереть.

– Твоя спина!

Непроизвольно он протянул руку и коснулся пальцами глубоких свежих царапин, располосовавших нежную жемчужную кожу. Она вздрогнула всем телом и отшатнулась:

– Не смей дотрагиваться до меня.

Данте напрягся: десять минут назад она не возражала. Как и пять лет назад. Но к прошлому возврата нет.

– Надо обработать раны на спине, Ева.

– Какое твое дело? Если ты не расслышал, повторяю: я могу сама о себе позаботиться.

Она права. Ей не нужна помощь. Принцесса прессы Ева Сент-Джордж знала правила игры. Не надо забывать, что она только что произнесла перед сотнями людей речь, посвященную горячо любимой матери, – на такое эмоциональное выступление способны лишь сильные люди.

– Иди домой, Данте. – Гордо распрямив плечи, Ева небрежно произнесла: – Ты уволен.

– Уволен? – мрачно усмехнулся Данте.

– Миссия по оказанию братской помощи выполнена. По правде говоря, ты омерзителен. Надеюсь, мы больше не увидимся.

Данте задохнулся от злости, не понимая причины. Фактически она делала ему одолжение. Он наклонился к ней так близко, что мог разглядеть крохотные веснушки на вздернутом носике, и пробормотал:

– Полностью разделяю твою надежду, дорогая.

Он не кривил душой. Эта женщина напоминала ему цианид, смертельная сила которого с годами многократно возросла.

– Отлично, – сказала Ева, шагнув назад.

Данте успел подхватить ее за локти, не давая упасть. Время остановилось. Он смотрел в прекрасное лицо и мысленно укладывал на мягкий ковер травы,

зеленой, как ее глаза, обнимал гибкое тело, ласкал упругую грудь. Данте мечтал поцеловать ее по-настоящему, смять губами упрямый рот. Он мог поклясться, что слышал стук ее сердца, такой же отчаянный, как его собственный. Как и он сам, Ева дрожала от возбуждения и желания. Значит, она солгала: она все еще хотела его. Больше чем когда-либо. Его мысли путались. Данте почти утратил контроль над собой, и в этот момент она вырвалась из его рук:

– Оставь меня!

Он опешил. Ее способность обуздывать свою сексуальную энергию привела бы в замешательство любого.

– Знаешь, дорогая, в следующий раз выбери для своих развлечений дурачка, не знакомого с твоими штучками. Несмотря на свою репутацию, я не тащу в постель всех женщин подряд, а игра «горячо-холодно» вызывает у меня отвращение.

Ему показалось, что Ева готова ударить его, и, как ни странно, он желал этого.

– Я не стала бы спать с тобой, даже если от этого зависела бы судьба человечества, – прошипела она и круто развернулась на каблуках.

Данте задохнулся от ядовитой смеси ярости, отчаяния и неудовлетворенного желания.

– Ева, я не закончил. Не смей уходить.

Она не просто ушла – промаршировала мимо. Данте подавил желание броситься за ней. Ситуация должна оставаться под контролем. Его контролем. Всегда.

Он еще долго не двигался с места, вдыхая терпкий морозный воздух, пока злость не погасла, но осталось гнетущее душу сомнение и вопрос, который он раньше задал Еве: «Интересно, чем меня завтра удивят газеты?»

Серый рассвет лениво пробивался сквозь неплотно задернутые серебристо-серые шторы на окнах. Взглянув последний раз на заголовки воскресной прессы, Ева потянула край стеганного одеяла, чтобы не видеть ворох газет на паркетном

полу. Накрывшись с головой, она спряталась в лавандовом уюте мягкой постели и закрыла глаза, пытаясь стереть слова, отпечатавшиеся в памяти, как на надгробном памятнике ее карьеры.

«Будущая герцогиня грозит лишить Сент-Джордж королевской милости».

«Неужели Дива взялась за старое?»

«Берегитесь, невесты! Ева вышла на охоту».

– Спасибо, Данте Витале. – Ева откинула жаркое одеяло. Может, стоит подать на Данте в суд? С другой стороны, о чем она думала, целуя его? Разве нанесенного им пять лет назад оскорбления не хватило на всю оставшуюся жизнь?

– Довольно!

Она вспомнила спасительное правило – идти только вперед, не сожалея о прошлом. Настало время подумать о новой стратегии. Взглянув на часы, Ева застонала. Стрелка еле ползла. Всего лишь без четверти девять – еще рано звонить Пруденс. Будущая герцогиня оставила вежливое сообщение на автоответчике, но Ева вернулась слишком поздно, чтобы перезвонить ей. Впрочем, она была готова услышать приговор: «Я больше не нуждаюсь в ваших услугах». Ева хорошо знала, насколько безжалостной может быть пресса, а Пруденс в ее положении вряд ли хотела рисковать.

Ева с трудом проглотила комок в горле. Скольких еще клиенток она потеряла? Что будет с бизнесом? Когда Ева только начинала, она отвечала лишь за себя, но теперь обязана думать о персонале: швея Кейт должна кормить двух маленьких сыновей, а у ассистентки будет нервное расстройство, если она потеряет работу. Нечего и говорить о колоссальной арендной плате за бутик на первом этаже.

Надо убедить Пруденс Вест не отменять заказ, и другие последуют ее примеру. Для этого Ева должна будет рассказать всю правду…

Резкая трель звонка заставила ее вздрогнуть. Начиная с семи утра телефон звонил уже раз пятьдесят, как в день смерти матери. Ева прижала пальцы к вискам:

– Убирайтесь все!

«Принцесса прессы» – так назвал ее Данте. Два слова обладали магической силой. Ева и вправду чувствовала власть папарацци над собой. Эти кровопийцы не знали пощады. Им не нужна правда – только сенсация. Когда-то она по наивности пыталась донести и свою версию событий, но каждый раз они искажали слова до неузнаваемости, представляя ее распутной и коварной дьяволицей.

Звонок трещал. Ева ждала, когда включится автоответчик.

– Ева, послушай. – Низкий голос Данте заполнил комнату. – Я припарковал машину напротив твоего дома. Здесь полно репортеров. Предупреждаю, если ты не ответишь…

Ева потянулась к трубке беспроводного телефона в изголовье широкой дубовой кровати, пообещав себе, что будет сдержанна и спокойна.

– Что?! – рявкнула она. – На что ты еще способен, Данте? Мало ущерба, который ты уже причинил?

– Я? – с изумлением переспросил он. – Разве я создал тебе такую репутацию? И не говори мне про ущерб после того, как я вынес тридцатиминутную истерику бывшей невесты.

– Бывшей? – повторила Ева, мгновенно повеселев и с ужасом понимая, что Данте пробуждает в ней самые низменные качества. Она тяжело вздохнула: – Ты хотя бы любил ее?

«Где его хваленый интеллект? Неудивительно, что он не уживается с женщинами».

– При чем здесь любовь?

– Действительно. – Ева иронично подняла брови. – Да будет тебе известно, люди чаще всего вступают в брак именно по этой причине.

– В твоем мире – может быть, – буркнул Данте. – Открой, нам надо поговорить. Я вижу только один выход из сложившейся ситуации.

– Не хочу тебя видеть. Будет только хуже.

– Поверь, хуже некуда.

Ну уж нет. Она может убить его за вчерашние непростительные слова, или он увидит ее опухшие от бессонницы глаза, или… Но самое страшное – не это.

– Не хочу давать новую пищу этим волкам, – сказала Ева. Как объяснить его визит Пруденс?

Она услышала в трубке глубокий вздох, и ее бросило в жар. Что с ней? Откуда такая реакция на этого циничного и жестокого человека?

– У меня есть надежный план, – прошептал Данте низким, бархатным, чувственным голосом.

– Неужели? – Ева была заинтригована против воли. – Хочешь совершить чудо?

– Решай сама. Другого выхода нет – или я, или ничего.

Ева уже открыла рот, чтобы сказать «Ничего», но остановилась, подумав о бизнесе, Кейт, аренде. Если Данте обуздает прессу, стоит его выслушать, – все и так потеряно. Она глянула на свою старую уютную пижаму, не делающую чести модному дизайнеру:

– Ладно, дай мне пять минут.

– Три, – сказал Данте, отключая связь.

Открыв рот, Ева уставилась на телефон, потом швырнула его на кровать. Она теряла драгоценные минуты.

– Мерзкий, грубый, лживый змей, – бормотала она. – Я рехнулась.

Подтянув узел светло-серого шелкового галстука и расправив лацканы черного пиджака, Данте приготовился к боевым действиям. Кровь играла в жилах, наполняя мышцы энергией. Высокий, властный, сильный, уверенный в себе, он легко и решительно отогнал папарацци от Евиной двери.

Данте был доволен, что Ева еще не сделала заявления – у него были свои планы на мисс Сент-Джордж. Чем скорее он убедит ее принять его предложение, тем лучше. Зная ее упрямство, он готовился к серьезной схватке, но инстинкт хищника предсказывал победу.

Почему она не торопится открыть ему? Страшное подозрение закралось в душу, превратившись почти в уверенность: она не одна, развлекается с кем-то в постели и поэтому не вышла к репортерам. Как он раньше не подумал? Для человека, просчитывающего каждый шаг, он поступил до странности неосмотрительно. Особенно если учесть, что от исхода сегодняшней встречи зависит успех будущей сделки. Если Ева…

Спина взмокла от пота при мысли, что сейчас он увидит в ее кровати мужчину. Сердце Данте скрутила нестерпимая боль.

Когда внутри щелкнул железный засов, Данте сделал несколько медленных глубоких вдохов.

В дверях стояла Ева, очаровательно заспанная, растрепанная, с припухшими глазами. Она напомнила Данте давнишний эпизод, когда, оставшись ночевать в доме Финна, он впервые случайно увидел ее, юную, грациозно спускавшуюся утром по лестнице в кухню. В огромных наушниках, не замечая ничего вокруг, она прошла мимо него в очень короткой ситцевой пижаме, почти не оставлявшей простора для воображения. Интересно, в чем она спит сейчас?

Данте заставил себя сосредоточиться на цели. В двад цать семь лет Ева выглядела прекрасно как никогда. Густые волосы цвета меда каскадом спадают на обнаженные плечи. Изящный светло-розовый топ подчеркивает белизну груди, а длинная, похожая на цыганскую малиновая юбка мягкими складками окутывает стройные бедра. На самое большое потрясение для Данте – ее босые ступни и перламутровый лак на ноготках. Как будто Ева ступает по облаку… И снова аура невинности, которую, как он знал, она умело имитирует.

– Ты развлекаешься в постели? – спросил он грубо и уточнил, чтобы было понятно: – Ты с кем-то спишь?

– Мне, наверное, послышалось?

– Нет. – В конце концов, от ее ответа зависел успех его плана. Если по квартире бродят толпы любовников… Кстати, тот рок-певец все еще с ней? От него постоянно несло перегаром. Они составляли прекрасную пару. Данте заскрежетал зубами. – Просто ответь на мой вопрос, Ева.

В ответ на агрессивный тон Ева приподняла светлую бровь:

– И тебе с добрым утром. – Рука уперлась в дверь, как будто Ева собиралась захлопнуть ее перед его носом. – Вижу, у тебя хорошее настроение сегодня.

Данте улыбнулся: неудачное начало переговоров.

– Будет лучше, если ты ответишь.

Ева подняла глаза к потолку, стараясь взять себя в руки.

– Нет, я не… – начала было она, потом выпрямилась во весь рост. – Какое тебе дело до моей личной жизни?

– Очень большое, если судить по газетам, – сказал Данте, проходя мимо нее в прихожую. Он не слишком-то поверил ей, но решил пока не допытываться. – Разве ты не знаешь? Мы теперь новая «золотая пара».

– Мне хватило заголовков. – Ева засмеялась глухим невеселым смехом.

– Тогда тебя ждет настоящее удовольствие. – Данте двинулся вперед, не дожидаясь приглашения, и оказался в уютной светлой гостиной.

Кремовые занавески на высоких окнах смягчали холодный блеск декабрьского утра, а мягкие золотистые диваны вокруг кофейного стола перед мраморным камином как будто приглашали прилечь с книгой. На стенах с грубой

полотняной обивкой развешаны зеркала в красивых рамах и многочисленные гравюры, большей частью изображавшие невест в свадебных платьях разных эпох. Сделанное со вкусом эклектичное оформление не кричало о богатстве, скорее создавало легкую романтичную атмосферу. Обилие милых безделушек заставило Данте поежиться.

– Так и не привыкла к порядку, – заметил он.

Еву и ее мать всегда окружал артистический хаос, что приводило Финна в бешенство. Садясь в кресло, можно было уколоться парой швейных булавок.

– Расстреляй меня, – огрызнулась Ева.

В этот момент Данте заметил в углу комнаты манекен с наколотым свадебным платьем из тонкого тюля. У него, знатока торгового ассортимента, перехватило дыхание, когда он подошел ближе: в швы лифа были вшиты маленькие жемчужины.

– Ручная работа? – усомнился он.

– Конечно. На это ушла целая неделя.

В своей профессии он ежедневно имел дело с тысячами роскошных женских туалетов, но это…

– Великолепно. Похоже, ты унаследовала талант матери. Она знала толк в деталях, подборе ткани. – Данте почувствовал, что Еву удивил комплимент, но он не смог удержаться, настолько его поразил безупречный вкус, легкий стежок, изысканный узор. – Почему ты мне не сказала о своем успехе, о бутике?

Она фыркнула:

– Да ладно, Данте. Разве тебя интересует моя жизнь?

Он знал, что заслужил упрек. Данте сожалел о том, что не прислушивался к восторженным похвалам Финна в адрес сестры. Ничего не зная о Еве, он впал в заблуждение. Зато этим утром, игнорируя скандальные заголовки, он

проштудировал газеты в поисках информации о деловых достижениях Евы. Она создала свой маленький модельный бизнес по дизайну и пошиву свадебных платьев с нуля! Данте был изумлен. Куда же делось немалое наследство, полученное от матери? Неужели Ева, прогуляв его за несколько лет, взялась за ум?

Он было решил, что первоначальный капитал предоставил Финн, но убедился, что Ева сделала все сама, взяв кредит в банке. Успехом она обязана только тяжелому труду. Впервые он почувствовал к ней уважение.

– Теперь ты знаешь, – сказала она. – Только избавь меня от поздравлений, касающихся Пруденс. Она уже оставила сообщение. Не думаю, что еще хоть одна дама королевской крови решится заказать платье у разрушительницы браков.

Горестные ноты в голосе больно ранили его сердце. Данте было хорошо известно, каково работать день и ночь ради почти недосягаемой цели. В двадцать три года он начал борьбу за спасение разваливающейся империи Витале. Шансов почти не оставалось до тех пор, пока отец не передал ему бразды правления. Еще полгода Данте трудился без сна и отдыха, чтобы дела медленно пошли в гору. Данте, как никто, знал цену упорству, отчаянию, злости.

– Тем не менее попробую вернуть заказ, – упрямо заявила Ева.

Данте одобрительно улыбнулся:

– Почему в бутике опущены жалюзи?

– Я открываюсь только в последнее воскресенье месяца. Надо поговорить с клиентами до того, как сделаю заявление для шакалов из прессы.

– Прежде мы должны уточнить нашу историю. – Тон Данте не предполагал возражений.

Ева нахмурилась:

– Нашей истории не будет, Данте, только правда. Если это не спасет, подожду, пока уляжется скандал. Найду чем заняться.

Уверенный тон не обманул Данте. Ей нужна эта работа так же, как ему – «Хэмптонз». Якатани не продаст магазин холостяку, но для японца не менее важна репутация нового владельца. Недостатка в претендентах не было.

Данте подошел к окну и оглядел улицу. Приличное место для бутика, но Мейфэйр или Бонд-стрит были бы лучше. Он вздохнул, настало время раскрыть карты. Ему давно не приходилось объяснять кому-либо свои поступки.

– У меня была договоренность с Ребеккой. – Данте замолчал, давая Еве время осмыслить признание.

– Какая же? – Ева явно была заинтригована.

– Мне нужна невеста, чтобы заполучить «Хэмптонз».

Заключив стратегическую сделку, он превратит «Витале» в крупнейшую розничную торговую сеть в мире. Отцу не останется ничего, кроме как признать старшего, внебрачного сына законным наследником. Данте докажет старику, что достоин носить имя Витале. Его больше не будут считать позорным пятном на благородном имени с тысячелетней историей из-за «нечистой крови» матери. Никакие препятствия не остановят Данте.

Данте запустил пятерню в густые волосы:

– У меня не было намерения жениться на этой женщине. – Одной попытки семейной жизни достаточно, чтобы дать зарок. – Я столкнулся с ней пару недель назад в Сингапуре. – Данте знал Ребекку еще по Кембриджу: в те дни эффектная брюнетка отчаянно флиртовала с ним.

На этот раз для заигрывания она выбрала не тот день и не того мужчину. Данте, хоть и скучал, легко преодолел искушение – она его не возбуждала. Однако чтобы отвлечься, он выслушал ее историю. Выяснилось, что Ребекка по уши в долгах и на грани отчаяния. Сработал острый, как у акулы, охотничий инстинкт, и Данте немедленно обернул ситуацию в свою пользу. Так был заключен деловой

союз.

– Вижу, тебе очень нужен «Хэмптонз», – тихо заметила Ева.

Ее мягкий хрипловатый голос окутал его теплой волной, растапливая холодок нервного напряжения. В ту же секунду стремительно накатило непреодолимое желание рвануться к ней, коснуться мягких округлостей груди, откинуть назад густую волну золотистых волос, прижаться губами к стройной шее, целовать…

Но это невозможно по целому ряду причин: даже если забыть ее вздорный характер и весьма сомнительную мораль, Финн никогда не простит ему приставаний к своей маленькой сестренке. Речь может идти только о бизнесе. Данте заставил себя сосредоточиться на цели.

– Мне нужна эта сделка, Ева, но шансов почти не осталось. Ребекка уверена, что даже обнимая таких, как ты, я скомпрометировал себя и опозорил ее в глазах друзей. – Он не упомянул, что она привела его в ярость, намекнув, что рассчитывала на любовь.

Повернув голову, Данте заметил, что Ева заталкивает под диванную подушку бумаги. Подозрение, что она прячет что-то, рассеялось, когда она, поерзав, удобно устроилась на диване, подобрав под себя длинные стройные ноги. В домашнем окружении Ева выглядела совсем по-другому: соблазнительная, уютная и… Данте решительно одернул себя.

– Все считают, что у вас любовный союз?

– С ее слов, не с моих, – уточнил он.

– Что ты собираешься делать?

Скрестив руки на груди, Данте пристально посмотрел на Еву, и она тревожно нахмурилась.

– Уже сделал.

– Не сомневаюсь, ведь ты человек действия. Не хочешь поделиться?

Данте проигнорировал сарказм – скоро она будет благодарить его. Он мысленно вернулся к событиям сегодняшнего утра, когда Ребекка закатила истерику прямо в его офисе. Он готов был предложить ей еще миллион, не сомневаясь, что за эти деньги она простит ему все, но, взглянув на заголовки газет, поступил иначе. Он не мог бросить в беде Еву. Деловую репутацию не купишь за деньги, а в скандале замешаны они оба. Кроме того, Данте обязан Финну: тот не раз выручал его. Значит, надо помочь Еве так, чтобы Якатани тоже остался доволен.

Конечно, оставались сомнения. Данте не доверял Еве. Годится ли она на роль жены, которую одобрит придирчивый японец? Даже если в последнее время ее имя не мелькало в скандальной хронике, Еву могли скомпрометировать порочащие сексуальные связи. Данте обвел глазами романтическую обстановку гостиной. Что-то не сходилось. Ева по-прежнему оставалась загадкой. Он задумчиво провел ладонью по подбородку. Его план просто обязан срабо тать, даже если придется принудить Еву играть по правилам – его правилам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/parker_viktoriya/nevinnaya-soblaznitel-nica

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити